

Н.Д. БАРАБАНОВ, А.В. КОНОВАЛОВ
Волгоград

ГРИГОРИЙ АКИНДИН И ВАРЛААМ КАЛАБРИЙСКИЙ: МЕТАМОРФОЗЫ ОТНОШЕНИЙ

В обширной историографии исихастских споров как прежде, так и теперь преобладает изучение нюансов богословской проблематики и специфики воззрений главных участников дискуссии, а также истории и хронологии полемики. Разумеется, речь идет о закономерном внимании к темам первостепенной важности, однако в их тени не должны остаться сюжеты, без исследования которых наше знание о самом значительном идейном противостоянии XIV столетия является неполным. К числу таковых следует отнести вопрос о принципах формирования лагеря паламитов и группировки их противников. Корпоративные связи в среде византийской интеллектуальной элиты уже не раз становились по разным поводам объектом исследования, и значимость их прекрасно выявлена¹. Дружеское общение, обмен посланиями и собственными сочинениями, комплиментарность и взаимопомощь насыщали атмосферу духовной жизни, стимулировали творческую деятельность. К этому необходимо добавить, что слой интеллектуалов оставался исключительно узким и одновременно близким к правящим церковным и светским кругам, часть которых он составлял. При таких обстоятельствах роль межличностных отношений особо возрастала, приобретая возможность влияния на принятие решений в сфере властвования и на проводимую политику, к примеру, в вопросах о признании или осуждении тех или иных мнений и доктрин.

В данной статье предполагается, не затрагивая тонкостей богословских позиций, рассмотреть ситуацию в лагере антипаламитов на уровне личных связей и взаимоотношений. Представляется важным определить, в какой мере солидарность на основе принципиального несогласия с мыслями идейного противника сочеталась с индивидуальным восприятием характера и поступков конкретных персон, как понималась мотивация их деятельности. Существенно также определить, сказалось ли влияние личной неприязни, антипатии, обид, в которых можно видеть скрытые пружины развития споров, придававшие к тому же им эмоцио-

---

© Н.Д. Барабанов, А.А. Коновалов, 1999.

¹ Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997. С. 26-32. Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. СПб., 1998. С. 71-72.

нальную окраску и остроту. В данном случае основу для изучения темы составят отношения Григория Акиндина и Варлаама Калабрийского, нашедшие отражение в обширном эпистолярном наследии² и полемических трактатах³ первого из них. Содержание этих сочинений, скрытое под обычной завесой риторики, этикетных клише и аллюзий, позволяет раскрыть взгляды Акиндина на личные качества Варлаама, его труды и поведение, проследить эволюцию их связей.

Знакомство Акиндина и калабрийского философа состоялось, скорее всего, в Фессалонике и предположительно могло произойти в 1326-1327 гг.⁴ Позже Григорий Палама будет утверждать, что Акиндин был учеником Варлаама, однако источники ни в коей мере этого не подтверждают⁵. Характер писем Григория к калабрийцу, если не принимать в расчет этикетно – риторическое самоуничижение, показывает отношение к корреспонденту как к равному. Вероятно, уже тогда Акиндин вошел в круг друзей Варлаама, и началось их более или менее регулярное общение. В дальнейшем именно дружбой станет оправдывать Григорий свою посредническую позицию в развивавшихся спорах.

Наилучшим вариантом изучения трудов Акиндина – наглядного примера напыщенной риторики, буквально переполняющей каждую строку, – была бы начальная формализация материала, направленная на выявление мотиваций, намерений и конкретных мнений Акиндина о Варлааме, его поступках и мыслях, тем более что такой подход к работе с подобными источниками весьма перспективен.⁶ По-разному раскрывается отношение к калабрийцу в зависимости от адресата письма (паламит, антипаламит или сам Варлаам) и, в меньшей степени, от временных рамок, в которые попадает эпистола (до отъезда Варлаама в Италию или после). Поэтому возможный вариант знакомства с темой может отражать нижеприведенная схема, в соответствии с которой отношение Акиндина к Варлааму рассматривается в нескольких плоскостях в зависимости от идейных пристрастий адресатов.

² Letters of Gregory Akindynos/Ed. Hero A.C. Washington. 1983 (далее – Ep.).

³ Gregorii Acindyni Refutationes duae operis Gregorii Palamae cui titulus Dialogus inter orthodoxum et Barlaamitam/ed. Nadal Canellas J. (Corpus Christianorum. Series Graeca 31). Brepols, Turnhout, 1995 (далее – Т.).

⁴ Ibid. P. XVI.

⁵ Letters of Gregory Akindynos... P. XII.

⁶ Хвостова К.В. Византийская цивилизация//Вопросы истории. 1995. № 9. С. 46.

1) В настоящее время известны четыре письма Варлааму, отправленные в течение 1339-1341 гг. Первое послание начинается с выражения недовольства долгим молчанием Варлаама, которое Акиндин связывает с высоким положением калабрийца (Ер. 7.8-9). Григорий считает несерьезными претензии Варлаама по поводу собственного промедления с ответом (таковые, видимо, были изложены в предшествующем письме) и делает упор на нежелании снизойти до его уровня. Тем самым высказана серьезная обида, ставшая особенно острой в связи с тем, что некие люди получают от Варлаама письма, а Акиндин – нет (Ер. 7.52-57). Основной темой письма являются нападки калабрийского философа на исихастов. Григорий подчеркивает свое сожаление по этому поводу и убеждает прекратить их, однако, предвидя насмешливую реакцию Варлаама на свой призыв, отмечает, что в случае продолжения атаки их прежняя дружба будет расстроена (Ер. 7.121-124). Заключительная часть письма призвана отгнать значимость этой угрозы указанием на большую ценность дружеских связей. Акиндин сообщает, что готов пожертвовать отношениями с человеком, к которому готов лхнуть «как плющ к дубу» (Ер. 7.129-130).

Второе письмо Варлааму логически дополняет первое. В нём Акиндин снова осуждает нападки и оскорбительное обращение калабрийца с исихастами (Ер. 8.5-6). Он отказывается также поддержать выпады против Паламы, которого именует человеком благочестивым и имеющим большую славу (Ер. 8.15-16). При этом важно отметить, что Григорий подчеркивает отсутствие богословских расхождений между ним и Варлаамом (*ῥῆτι δὲ καὶ ὧ σοὶ τὰ περὶ θεολογίας οὐ σφόδρα ἐναντιοῦμαι*: Ер. 8.4), но делает акцент на необходимости прекратить всяческие обвинения. Он даже советует калабрийцу скормить его претензии к молитве и учению исихастов огню (Ер. 8.22), а также утверждает, что атака на Паламу будет иметь противоположный результат и лишь увеличит авторитет наставника исихастов. Акиндин напоминает, что копающий яму другому сам в нее и попадет (Ер. 8.12-13). Данное послание, содержащее дружеский совет и предостережение, было призвано предотвратить развитие конфликта, но эффект его мог стать прямо противоположным. Характер переписки показывает, что Варлаам явно не видел в Акиндине фигуры равной себе и смотрел на него сверху вниз. В этих условиях совет, в котором речь по сути шла о том, что начатая на Паламу и исихастов атака калабрийцу «не по зубам», должен был уязвить его самолюбие и раззадорить полемический пыл. Ситуация наверняка обострялась тем обстоятельством, что Варлааму во время его пребывания в Константинополе уже пришлось познать горечь поражения в диспуте с Никифором Григорой, состоявшемся зимой 1331-1332 гг. в доме Иоанна Кантакузина⁷. По итогам состязания Григора написал сатирический диалог «Флорентий»,

---

⁷ Letters of Gregory Akindynos... P. 312.

представляющий Варлаама жалким, невежественным человеком⁸. Одно из писем Акиндина к Никифору содержит намек на упомянутую дискуссию. Григорий утверждает, что достижения Никифора Григоры несут стыд и печаль людям, впустую тратящим свою жизнь в научных занятиях (Ер. 1.41-42). Если в данном случае действительно подразумевается Варлаам, то искренность похвал и дружеских заверений, рассыпанных по письмам к калабрийцу, следует поставить под сомнение. Что же касается «миротворческого» послания, то в свете сказанного оно неизбежно приобретало провокационный характер. Тем самым «нейтралитет» Акиндина и его роль примирителя⁹ оказываются весьма условными и в большей мере декларативными.

Третье и четвёртое письма Акиндина представляют собой разбор методик силлогических доказательств – аподиксий, используемых Варлаамом. В третьем письме в ответ на утверждение калабрийского монаха о неспособности Акиндина убедить его иными методами, кроме как аподиктическими, последний берётся проделать это и доказать, что сами события подтверждают его правоту. Изначально Акиндин признаёт полезность силлогизмов, но только правильно построенных и в определённых случаях необходимых (Ер. 9.2-3). Однако, как заявляет Григорий, Варлаам неподготовлен к созданию трактатов против молитвы исихастов не из-за плохого знания логики, а совсем по другой причине: он не достаточно учён в духовных вопросах и не имеет веры, которую Акиндин отождествляет с простотой (очевидно, что подразумевается простота и аскетизм исихастов) (Ер. 9.28-33). Касаясь вновь вопроса об атаках калабрийца против монахов, автор послания выражает сожаление по поводу полного игнорирования его совета прекратить нападки. Он считает, что Варлаам выступил против иноков с высокомерием человека, отпавшего от Бога (Ер. 9.19-20) и повел себя самоуверенно, несдержанно и тщеславно (*ἀκράτως ἔσχεε σαυτοῦ καὶ κοῦφος* Ер.9.29). Акиндин не скрывает, что считает поступок калабрийца дурным (Ер. 9.49-51). Он также полагает, что философу следует знать не только то, как писать труды и составлять силлогизмы, но также то, кому и где это можно делать, учитывая местные обычаи (Ер. 9.75-78). Тем не менее, Григорий продолжает подчеркивать дружеский характер своих упреков и старается смягчить резкость высказанных суждений утверждением, что Палама и Варлаам оба ответственны за нарушение спокойствия в церкви (Ер. 9.91-92), и лучшим было бы такое положение, которое существовало до возникновения полемики. Своей целью, основанной на лучших побуждениях, он провозглашает стремление сдерживать самолюбие и неугомонность Варлаама (*φιλοτιμίας ταύτης καὶ φιλοπραγμοσύνης* Ер. 9.96-97).

⁸ Niceforo Gregoras. Fiorenzo o intorno alla sapienza. A cura di P.L.M. Leone. Napoli, 1975.

⁹ Так понимал смысл его поведения на данном этапе развития спора И.Ф. Мейендорф. См.: Мейендорф И.Ф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 55-56.

Следует отметить, что семантические реверансы такого рода вряд ли могли послужить адресату утешением. Критика в этом послании явно перевешивала все прочие рассуждения. Изобильно сыпались упреки в том, что калабриец с философией и логикой вторгается в духовные вопросы, учит о молитве на основе мирских воззрений и своими нападка-ми на исихастов восстает против святых отцов церкви. Качество творений Варлаама также получило негативную оценку, поскольку силлогизмы употреблены не к месту, и содержание лишено какой-либо ценности. Тем не менее, в конце Акиндин с плохо скрытой иронией именует калабрийского мыслителя благородным и великим философом (Ер. 9.101-102), тут же напоминая, что сам в свое время получил от него клеймо глупца (τὸν ἄφρονέστατον Ер. 9.113).

Четвёртое письмо Варлааму по содержанию примыкает к третьему, однако, содержит также некоторые новые сюжеты. Объединяет послания тема аподиксий, в отношении которых Акиндин высказывает теперь суждения скептического характера (Ер. 10.64-65), отмечая, что отдаёт предпочтение не силлогизмам, а мнениям святых отцов. Заметно, что к началу 1341 г. спор между мыслителями по проблемам познания и методов убеждения приобретал принципиальный характер. Что касается уровня межличностных отношений, то здесь письмо также открывает новые нюансы. Оценки Григорием черт характера и поступков калабрийца становятся более едкими. Так он вспоминает, что когда Варлаам впервые появился в великом городе (Константинополе), то первым делом старался всячески показать, что византийская столица лишена какой-либо учености (Ер. 10.17-18). Кроме того, речь прямо заходит о любви философа к пустой славе (ὁ κενῆς δόξης ἔρως) и о желании продемонстрировать то, что он мудрее всех (Ер. 10.27-28). Доказательством служит высмеивание калабрийцем сочинений киприота Лапифа по философии Аристотеля. Акиндин полагает, что в данном случае, как и в попытке унижить Паламу, Варлаам проявил незнание дела, не соответствующее его мудрости (Ер. 10.71-72). Касаясь продолжавшихся нападков на исихастов, Григорий отмечает, что не будет несправедливым назвать философа вредителем в отношении боголюбивых людей (Ер. 10.56). Собственную позицию по поводу конкретных претензий калабрийца к учению безмолвников Акиндин старается скрыть. В конце письма он говорит о невозможности утверждать что-либо о дыхании и сердце, соединяющих ум с душою, и о том, что делает сердце храмом Божиим, то есть о том, что Варлаам называл заблуждением (Ер. 10. 173-175). В четвёртом послании обнаруживается след реакции калабрийца на призывы, упреки и критику со стороны Григория. Варлаам, оказывается, считал Акиндина товарищем Паламы и воспринимал то, что им говорилось, как сказанное «по дружбе» (Ер. 10.191-192). Тем самым заступничество за исихастов и их лидера он рассматривал как проявление личной симпатии и солидарности, что, разумеется, лишало советы и предостережения смысла. Григорий тут же пытается показать, что был понят

неверно, ведь он противостоял и Паламе, из-за чего стал ему неприятен (Ер. 10.193-194).

В рассматриваемом письме обнаруживается еще один мотив, свидетельствующий о разногласиях между мыслителями. Акиндин опровергает утверждение Варлаама о необходимости изучать не жизнь самих богословов и духовных наставников, а исключительно то, что они говорили (Ер. 10.209-211). Взгляды Григория в этом вопросе вполне традиционны. Он полагает, что поступки важнее слов, а поведение человека должно соответствовать тому образу, который он создает в своих произведениях. В противном случае цель его не будет достигнута (Ер. 10.276-279). Тем самым он настаивает на дидактическом эффекте изучения жизненного пути святых отцов. Самому Варлааму он советует следовать опыту тех, чьими трудами тот восторгается.

2) В письмах Акиндина к паламитам или антипаламитам затрагиваются прежде всего идеи калабрийского философа, а уже затем его личные свойства. При этом суждения становятся более откровенными и часто сопровождаются сопоставлением с Григорием Паламой и его взглядами. По степени значимости среди данных трудов прежде всего следует выделить письмо Григорию Паламе, датированное летом 1336 года, и послание Давиду Дисипату, написанное весной 1341 года.

В письме наставнику исихастов Акиндин пересказывает некоторые положения недавно полученного им послания Варлаама, содержание которого явно интересовало Паламу. Сначала речь идет о попытках философа опровергнуть латинскую доктрину исхождения Святого Духа (Ер. 5.24-34), в частности, об использовании им понятия «начало из начала» (Ер. 5.25-26). Заметно, что его употребление смущало Акиндина и должно было насторожить Паламу.

Вторая тема письма – аподиксии, точнее, представления о них калабрийца. Григорий приводит пространную цитату из письма философа, показывающую универсальное значение доказательств и их виды (Ер. 5.42-63), среди которых на первое место поставлено доказательство, основанное на Священном Писании. Варлаам настаивает на логической обоснованности любых умозаключений о сфере божественного. В его рассуждениях ошутим завуалированный скепсис или даже выпад в адрес тех, кто признавал возможность мистического познания Бога. Скорей всего, именно это беспокоило Паламу, что явствует из краткого комментария Акиндина к цитате. Григорий отмечает беспокойство лидера исихастов за дружбу между философами (Ер. 5.68-70) и напоминает ему, что ничто нефилософское не должно вторгаться в их души (Ер. 5.71-72).

С внешней стороны, данным посланием Акиндин беспристрастно удовлетворил интерес Паламы к некоторым мыслям калабрийца, однако по существу представил его взгляды именно с тех сторон, которые способствовали развитию дискуссии.

В письме, отправленном Давиду Дисипату, настроенному дружески по отношению к Паламе, Акиндин излагает свою позицию по поводу уже разгоревшегося спора, дошедшего до фазы рассмотрения взаимных

обвинений сторон перед лицом патриарха. Лидер исихастов к тому времени был вызван в Константинополь (Ер. 12.36). Григорий высказывает опасение, что «мятеж и раскол овладеют церковью, поскольку одни станут поддерживать одного, другие – другого» (Ер. 12.53-54). По этой причине он видит лучший выход в уничтожении расхождений и установлении согласия и любви (Ер. 12.58-60). При этом Акиндин отмечает, что Варлаам – не тот человек, которого легко победить (οὐδὲ γὰρ ὁ Βαρλαάμ εὐκατάβλητος Ер. 12.39), тем более, что Палама дал ему основания для обвинений. Григорий полагает, что в данной ситуации необходимо участие друзей Паламы, которые смогут убедить его отказаться от заблуждений (Ер. 12.41-44). Себя он относит к числу этих самых друзей и мотивирует свое противостояние наставнику исихастов заботой о нем (Ер. 12.44-48). Интересно, что Палама, как это явствует из его письма Акиндину, отправленного в начале 1341 г., рассчитывал на содействие Григория именно в деле борьбы с калабрийцем¹⁰. В данном послании важен факт полного дистанцирования Акиндина от Варлаама, дело которого он, видимо, считал уже полностью проигранным. Григорий старается показать, что солидарен с исихастами и Паламой, но против отдельных заблуждений последнего. Письма, адресованные антипаламитам и касающиеся Варлаама, за исключением послания неизвестному лицу, написанного Акиндином в феврале 1343 года, предназначались киприоту Георгию Лапифу. В письме анонимному антипаламиту Варлааму уделяется значительно меньше внимания, чем Паламе, но важно то, что Григорий подчеркивает равную неприемлемость для него доктрин как одного, так и другого мыслителя (Ер. 27.101-103). Его позиция стала более четкой и агрессивной, чему, без сомнения, способствовали важнейшие события начала сороковых годов: летние соборы 1341 г., осуждение и отъезд Варлаама, опала самого Акиндина, сменившаяся с началом гражданской войны покровительством патриарха. Григорий Палама в то время уже подвергался гонениям, а в апреле или мае 1343 г. ему предстояло подвергнуться аресту¹¹. Три письма Георгию Лапифу создавались в феврале – мае 1345 г. Уже в первом послании появляются новые мотивы. Акиндин с гневом обрушивается на «нового богослова» Паламу, доктрину которого он признает совершенно нечестивой. Варлаам в таких условиях выглядит первым борцом с заблуждениями паламитов, которые ответственны за его осуждение церковью (Ер. 42.50-51). Григорий тем самым показывает, что хотя он не разделял выдвинутые калабрийцем против исихастов обвинения в мессалианстве (Ер. 42.193-199), он также не поддерживал осуждение Варлаама. Резкость суждений Акиндина о доктрине Паламы не в последнюю очередь связана также с тем, что глава исихастов считал его осужденным церковью за солидарность с мыслями Варлаама (Ер. 42.58-60).

¹⁰ Meyendorff J. Byzantine Hesychasm: Historical, Theological and Social Problems. London, 1974. IV. P. 124.

¹¹ Мейендорф И.Ф. Жизнь и труды... С. 90.

В следующем письме Лапифу калабрийский философ упоминается дважды. Григорий старается удовлетворить живой интерес киприота к сведениям о Паламе и его «нечестивостях», а также к вопросу о том, действительно ли Варлаам в чём-то ошибался (Ер. 46.41-43). Метнув множество злобных и ядовитых стрел в адрес защитника исихастов, Акиндин уделил лишь несколько строк заблуждениям калабрийца, среди которых выделил ошибочность суждений о духовной жизни и простоте традиций (Ер. 46.92-96). При этом он подчеркнул состоявшийся переход философа в католическую веру (πρὸς τῷ ὑὸν Λατινισμῶ δῆλον: Ер. 46.96), что служило весомым добавлением к характеристике. Однако и после этого Акиндин отметил, что в отношении догматов Варлаам заблуждался не в той же мере, что Палама (Ер. 46.97).

В третьем письме на Кипр содержится упоминание томосов вселенского патриарха против Паламы и Варлаама (Ер. 47.49-55), посылаемых Лапифу, чтобы он с их помощью познакомился с заблуждениями обоих участников полемики.

Если письма Акиндина дают достаточно четкое представление об его отношении к Варлааму, то послания самого калабрийского мыслителя лишают такой возможности. Опубликованные Дж.Скиро тексты содержат лишь два упоминания имени Акиндина – в письмах Нилу Триклинию и Григорию Паламе речь заходит о посланных ему сочинениях¹².

3) Трактаты против Паламы, как считает их издатель Х.Надаль Канеллас, Акиндин начал писать не раньше июня 1342 г.¹³ Сочинения обвязаны своим возникновением специальной санкции патриарха Иоанна Калеки¹⁴. Мы встречаем в них двадцать два упоминания имени Варлаама и отдельные намеки на его доктрину. После отъезда калабрийца из Константинополя и переноса центра тяжести идейного противостояния на отношения между Паламой и Акиндином, мнение последнего о Варлааме заметно эволюционировало. Прежние дружеские связи и попытки посредничества между антагонистами теперь серьезно компрометировали Григория. По этой причине одной из главных его задач стало опровержение утверждения, что он является варлаамитом. Акиндин многократно возвращается к данной теме в трактатах, но никогда не доводит ее до уровня аргументации, ограничиваясь простым отрицанием или констатацией выдвижения против него несправедливого обвинения. Так он пишет, что Палама, называя его варлаамитом, использует метод еретиков ариан (Т.І. 2.17), или отмечает неправоту других людей, считающих его сторонником калабрийца (Т.ІІ. 51.14.). Отбивается Григорий и от обвинения в том, что он мудрствует как Варлаам (Т.ІV. 11.114), подчеркивая свое неприятие любых инноваций новых богословов, в том числе и Варлаама (Т.ІV. 56.67). Приведенные суждения полностью про-

¹² Barlaam Calabro. Epistole greche. I primordi episodici e dottrinari delle lotte esicaste. A cura di G.Schirò. Palermo, 1954. Ер. ІІ. 41; Ер. ІІІ. 516.

¹³ Gregorii Akindini Refutationes...Р. XXXIV.

¹⁴ Мейендорф И.Ф. Жизнь и труды...С. 90-91. Отметим, что И.Ф. Мейендорф относил сближение опального Акиндина и патриарха к осени 1342 г.

тиворечат тому, что писал в свое время Акиндин самому калабрийцу об отсутствии богословских расхождений между ними, поэтому необходимо учитывать явный конъюнктурный характер формулировок. Кроме того, бурное рождение идей в период полемики могло в самом деле быстро менять мнение о мыслителях, чему способствовало также постоянное обновление политической ситуации, в которой они находились. Наверняка важнейшим фактором «смены веж» в данный период стало поражение Варлаама в состязании с Паламой на соборе в июне 1341 г. и связанные с ним события. Независимо от личных убеждений Акиндин естественным образом не хотел попасть под действие решений, осудивших Варлаама.

Встречающиеся изредка в трактатах оценочные суждения по адресу калабрийского философа соответствуют мнениям, высказанным в письмах. К примеру, Акиндин утверждает, что именно «гордыня подняла Варлаама и Паламу одного против другого и обоих вместе против истины» (Т. II. 60. 3-4). Примечательно и то, что в сочинении, имеющем форму диалога Паламы с неким православным человеком, Григорий вложил в уста лидера исихастов уничижительные характеристики Варлаама, оттеняющие его «дугнославию» (Т. P. R. 21).

Метаморфозы отношений Акиндина и Варлаама отразили в себе как сложность процессов интеллектуальной жизни, так и калейдоскопическую быстроту смены политической обстановки. Кроме того, в их центре оказалась промежуточная, «посредническая» позиция в развивавшемся споре калабрийца с лидером исихастов. Именно она придавала известный драматизм сложившемуся положению. Узвляя самолюбие Акиндина, оба главных участника дискуссии не воспринимали его в качестве равной фигуры, а в его миротворческих усилиях видели следствие дружеских связей и единомыслия с противоположной стороной. В таких условиях «посредничество» Григория стало формой сравливания спорящих и подливанием масла в огонь. Не исключено, что на соответствующем этапе это могло стать формой реализации определенного умысла, приведшего к тому, что на пепелище спора Акиндину удается на некоторое время при поддержке патриарха утвердить свою «правоту».

N.D. Barabanov, A.V. Konovalov

Gregorios Akindynos und Barlaam von Kalabrien: Metamorphosen der Wechselbeziehungen

Gegenstand des Aufsatzes ist nicht der Inhalt der theologischen Streitigkeiten, sondern die konkrete Situation der im Lager der Antipalamiten entstandenen persönlichen Bindungen und Wechselbeziehungen. Auf Grund der Briefe des Gregorios Akindynos an Barlaam, an die Gegner und Anhänger des Gregorios Palamas, darüber hinaus auch der polemischen Traktate des Akindynos gegen Palamas versuchen die Autoren, korporative Bindungen der Diskussionsteilnehmer und durch sie bedingte Darstellungsformen aufzuzeigen.